

Все мы люди, или Николаев без улыбки

Смена - Санкт-Петербург - 1993 - 12 марта - с. 4

...Как и все, в розовом детстве я думала, что звезды — это совершенно особые люди. Может, даже и не люди вовсе, а, например, потомки инопланетян. И что их появление среди прочих граждан непременно должно сопровождаться какими-то сногшибательными эффектами. Но вот, пробегаю по запутанным коридорам Театра Советской Армии в Москве, где проходили очередные туры «Утренней звезды», я чуть было не врезалась в руководителя программы Юрия Николаева, и никакого конца света при этом не произошло (как жаль!). Нет, очутившись в 10 сантиметрах от николаевского затылка, я только спокойно, как ЭВМ, констатировала факт: «Смотри-ка, Николаев», и уже только потом испугалась... Но вот Юрий обернулся, улыбнулся своей знаменитой телес улыбкой — и все вроде стало на свои места.

Мы беседовали с Николаевым в первый день их конкурсного марафона, да еще в членах жюри оказалась не кто-нибудь, а Сэм Браун. Весь день накануне Николаев носился по Москве (клубы, рестораны, бесконечные улыбки до посинения — утомляет!) и опекал свою гостью. Наверное, она осталась довольна. Ну а сам-то он доволен своей жизнью и тем, что он делает? Устраивает ли его «Утренняя звезда» в ее теперешнем варианте? Или он хочет что-то в ней помянуть?

— Да, безусловно. Такая передача и не может существовать очень долго. Я изначально рассчитывал ее на три цикла. Уже по ходу этого цикла я буду кое-что менять, а затем я думаю превратить в жизнь совершенно новую идею. Может быть, на базе «Утренней звезды».

— А нельзя ли чуть-чуть подробнее? Николаев смеется:

— Конечно, нельзя! У меня уже столько раз воровали идеи, что...

— Я-то не свору, я газетчик!

— Сворует читатель! Но когда я создам свою новую передачу, то обещаю — «Смене» я первой об этом скажу и приглашу посмотреть.

— Запомним! Почему в вашем шоу участвуют никому не известные ребята — это понятно. Но зачем в «Утренней звезде» — вполне раскрученные люди, такие, как, например, Валерия, Сола?

— Прежде всего это те ребята, которые приехали из разных уголков страны, из провинции. Участие в одном конкурсе со звездами — это для них толчок к тому, чтобы дальше работать и самим стать «звездами».

— Кто из ваших ребят вам больше всего понравился и почему?

— Сева Полищук, Алина Белянская,

Настя Мескова, Чумаков, Сола, Валерия...

— А Валерии, кстати, сколько лет? Не великовозрастна ли она, мягко говоря, для ва-его шоу, где верхний предел — 22 года?

— Когда она начинала, ей было 22, теперь — 23.

— То есть, если человек выходит за возрастные рамки, вы не исключаете его из игры?

— Я никогда не рассчитывал и не задумывал свой конкурс как официальный. У нас нет профессионального жюри. У нас нет системы оценок. Я никогда в жизни не стал бы говорить: кто-то лучше, а кто-то хуже. Это не конкурс, это игра в конкурс, тысячу раз повторяю!

— Ваше мнение о конкурсе телеведущих?

— Очень неудачный.

— Кто его придумал?

— Все, что вы видите, придумал я — всю передачу, все эти жанры, категории от начала до конца. Беда в том, что эти милые красивые девочки, — я не знаю, почему, откуда это взялось, — считают, что чем они будут серьезнее, неприступнее, тем лучше. Играют зачем-то в утомленных женщин... Я же

стремился к другому — к открытости! Какого-то конкретного идеала у меня не было, но я хотел, чтобы это было весело, было больше шуток...

— Но, по-моему, конкурсантки, наоборот, чересчур впадают в наигранное веселье и развязность. А от некоторых их шуточек мне на вашем месте было бы просто неловко.

— Да, может быть... Я думаю, все идет от их зажатости.

— Но все же у вас есть одна идеальная ведущая для детской программы — Мария, 15-летняя девочка здесь на своем месте, но что будет, когда она повзрослеет?

— Я никогда не задумывал «Утреннюю звезду» как детскую передачу. Да, она и для детей тоже, но для взрослых она даже важнее. Потому что тот заряд, который дети несут и дают, у нас пропал или превратился в озлобленность. Так что мы должны учиться у них!

— Учиться, учиться и учиться! Маша — ребенок все-таки. С ней легко работать или как?

— Сложно. Тем более в таком возрасте... Она очень самостоятельна — но в этом и плюс тоже есть. Вся работа с ней у меня сводится к тому, что она спрашивает: а что мне сегодня говорить? А я ей: что хочешь. Вот и все, вот и весь Станиславский! Когда мы начинали, я пытался заучивать с ней тексты, но потом понял, что это совершенно неправильный путь. Поэтому здесь все бразды правления у нее, единственное, чем я могу помочь — что-то убрать при монтаже. Нет, я так доволен, что появилась Маша в моей судьбе! Единственное, о чем я всегда думаю, — не испорчу ли я ее? Ведь она сейчас очень популярна, ее узнают на улице, в транспорте, везде.

— Она ездит в метро?

— А на чем же она должна ездить?

— Могут же на части разорвать! Поклонники...

— Я надеюсь, до этого пока еще не доходит! Но вот выдержит ли она все это — уже зависит от нее. Этот вопрос

— как не испортить детей — он касается не только Маши, но и всех, кто проходит через «Утреннюю звезду». Я им даю единственное, что могу — ощущение праздника — раз; то, что их увидит 10—20 миллионов зрителей — два! И каждый из них — каждый! — получил письмо от своего поклонника или поклонницы...

— Бог ты мой!

— Не знаю, я за всю жизнь получил десятки, сотни тысяч писем, если бы их не было, я считал бы, что я зря работал... Мне не все равно, узнают меня на улице или не узнают, мне не все равно, знают Николаева или нет... Ужасно, если бы я 20 лет проработал на ТВ и никто бы не знал, кто я такой! Без популярности я не могу! Без нее мне нечего было соваться в это дело.

— Хорошо, Юра, расскажите ваше самое смешное и самое страшное воспоминание, связанное с популярностью.

— Самое страшное — я похоронил маму, причем это было во время съемок «Утренней звезды». А я работал — 10 дней я улыбался, и смеялся, и шутил... Это было самое большое горе в моей 44-летней жизни.

Самое смешное — это то, что я вдруг начал работать на ТВ. Я никогда не думал, что я буду там работать...

— Вы же ГИТИС закончили?

— Да, я работал в театре, снимался в кино, вообще не думал, что так судьба повернется. Но меня пригласили — в первый раз я подумал, что это ужасно. Но потом был второй раз, третий, четвертый... Наконец, получил официальное приглашение.

— Не знаю, смогла бы я, если бы у меня умер кто-то близкий, выходить и улыбаться...

— Выхода-то не было... Моя личная жизнь не интересна зрителю, зритель прижим к имиджу. К моей улыбке, моим шуткам, и они не хотят знать, что у меня там... Иначе я должен был бы

объяснить телезрителям, всем тысячам людей, кто приехал, что так и так случилось... Я мог, конечно, объяснить, но к чему это?

Тут, на этой грустной теме, у меня

закончилась пленка, да и Юрию давно пора было бежать по делам. Таким он мне и запомнился — с веселой улыбкой на лице и черт те с чем внутри.

Анна ДАШКОВА